

А. Маленков

КРАСНЫЕ ОГУРЦЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М 18

Иллюстрации Виктор Богорад
Дизайн обложка Виктория Лебедева
Дизайн макета Анна Якунина

Маленков, Александр.

М18 Красные огурцы / Александр Маленков. – Москва: Издательство АСТ, 2015. – 320 с. – (Звезда СМИ).

ISBN 978-5-17-092278-9

Антон Опушкин – обыкновенный дизайнер, молодой человек, плывущий по течению жизни. Но все меняется за один день, когда он влюбляется в чужую жену, и за одну ночь, когда он становится свидетелем убийства. Можно ли позволить себе роскошь быть нормальным, если мир безумен? Выстоит ли криминальная агрессия против логики интеллигента? Сколько действуют галлюциногенные грибы? На эти вопросы автор пытается найти ответы вместе со своим героем. Бандиты, спецназ и изобретатель-наркоман никак не облегчают этой задачи, а опасность, дружба и любовь обрушиваются на Антона с самых неожиданных сторон.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-092278-9

© Маленков А., текст
© Богорад В., иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ»

1

Антон Опушкин жил размеренной жизнью дизайнера интерьеров, не помышляя о приключениях за рамками организованного туризма. Квартира-студия, в которой он жил размеренной жизнью, являла собой образец минимализма – стиля, в который Антон любил погрузиться, уставая от капризов клиентов. Погружение обычно заключалось в том, что он садился на большой белый итальянский диван и включал большой белый корейский телевизор. Который, в свою очередь, сидел на белой шведской тумбочке, в окружении белых колонок. Также в студии имелись кухня, стол, барная стойка с ноутбуком и большим монитором, пуф и овчина на полу. Все это было белым. Антон сидел на диване и смотрел на телевизор, а телевизор сидел на тумбе и смотрел на Антона. И вокруг царил белая благодать.

Мама Антона хотела, чтобы он женился. Елена Петровна жила в соседнем доме и часто представляла, что она умрет, а Антон так и будет стариться один в своей белой квартире, и никто не будет его кормить, и от неправильного питания он заработает язву, ляжет на крашенные белые доски паркета и будет долго-долго одиноко агонизиро-

.....

вать. От этой картины она приходила в отчаяние, которое можно было побороть только одним способом – нажарить котлет, отнести их сыну и смотреть, как он их ест.

– Котик, тебе ведь уже тридцать два, – говорила Елена Петровна, провожая взглядом кусочек котлеты. – Что, не вкусно?

– Вкусно, вкусно, – задумчиво отвечал котик.

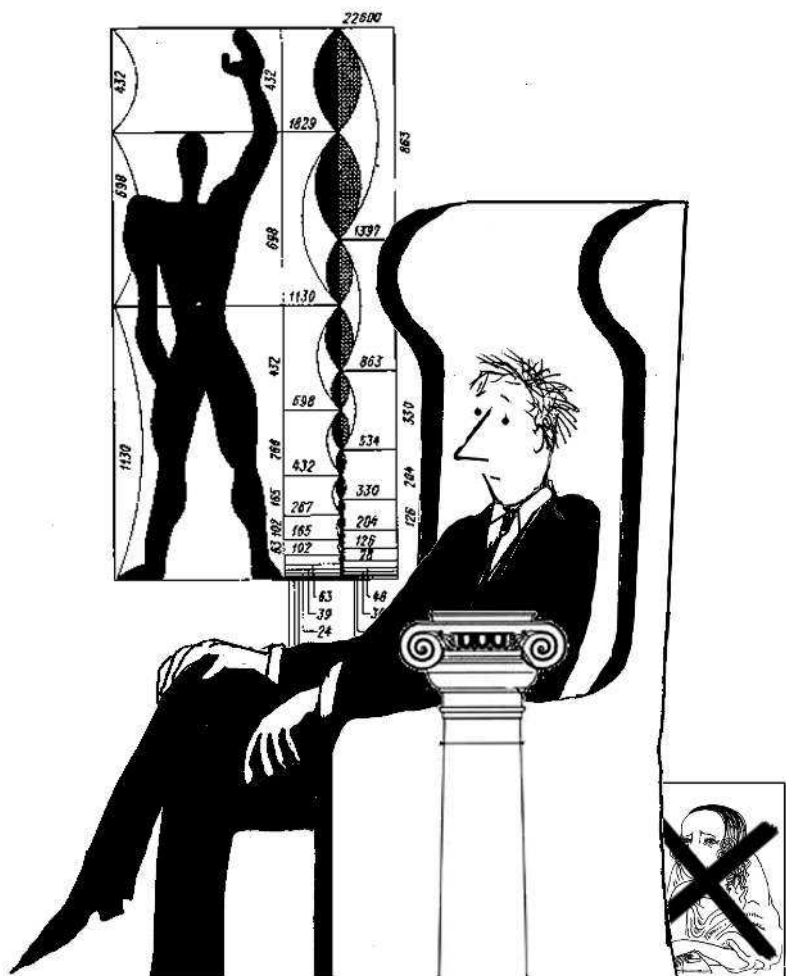
– А тридцать два – это уже не двадцать. Скоро ты превратишься в пожилого дядьку, я к тому времени уже помру, и кому ты тогда будешь нужен?

– Ну, маа... – говорил Антон.

Он, в общем, был бы не прочь найти подходящую девушку и зажить размеренной жизнью с ней, но девушки, которых он встречал, каждый раз оказывались неподходящими. Антон смотрел на очередную Свету или Оксану, лежащую рядом на белом диване, и ловил себя на одном желании – чтобы она поскорее собрала вещи и ушла. Девушки не вписывались в продуманный интерьер его холостяцкой квартиры. Каждая из вещей тут стояла на своем месте, и стол, и монитор, и пуфик, ни убавить, ни прибавить, – гостью решительно некуда было девать.

Поэтому Антон просто наслаждался одиночеством, то есть ждал подходящую девушку, такую, которая не будет его раздражать и понравится маме. А понравиться маме было несложно, для этого требовалось два качества – московская прописка и умение готовить, которое мама подразумевала под словом “заботливая”.

– Вот нашел бы ты заботливую девушку, я была бы спокойна... Но никаких иногородних, ты понял?

.....

– Ой, маа... – отвечал Антон.

Мама знала, что говорила. Она сама была из Северодвинска и в свое время, лет сорок назад, приложила много сил, чтобы найти мужа в Москве и, преодолевая сопротивление будущей свекрови, обзавестись заветной московской пропиской. Эту эпопею она впоследствии называла “жизненный опыт” и использовала в качестве подтверждения своей правоты в дискуссиях с сыном. “Поверь моему жизненному опыту”, – веско говорила Елена Петровна. Антон верил.

2

Работа дизайнера интерьеров давала неплохой заработок. Клиенты передавали Антона из рук в руки, особенно хорошо ему давались загородные дома. Секрет успеха состоял в том, чтобы перевести вкусы заказчиков на язык интерьерера. Другие дизайнеры навязывали свой стиль, кипели идеями, советовали и горячились. Антон прежде всего смотрел, что за человек перед ним, как он одет, как разговаривает. Он впитывал заказчика с его вкусами, а потом рисовал на своем белом ноутбуке такой дизайн-проект, что клиент восклицал: “Да! Я именно так себе и представлял!” После этого Антон старался полюбить этот интерьер, каким бы ужасным он ни казался.

Однако самыми трудными были случаи, когда у заказчика отсутствовал какой бы то ни было вкус – плохой или хороший, а описание дома мечты происходило в терминах “такой”, “красивый” и “удобный”. И все, что Антон предлагал по этим скудным ориентирам, натывалось на уверенное “нет, давай что-нибудь другое”. Как назло, именно такие клиенты платили лучше всего, и, возясь с ними, Антон понимал, что работа у него не только приятная, но и тяжелая.

– Я очень устал, – гордо сообщал он маме по телефону, – тяжелый клиент попался.

– Бедный котик! – сочувствовала мама. – Ты покушал?

.....

Как раз таким случаем был Володя, бизнесмен, мучительно строивший дом между Волоколамском и Клином. Из предложенных Антоном популярных концепций “деревенский”, “модный”, “богатый” ничего не подошло. Более тонкие варианты – баухауз, колониальный стиль, шведский дизайн – вызвали у Володи такой кислый взгляд, что Антон быстро назвал их “экспериментальными”. Володя хотел чего-то “особенного”. И это было самое страшное слово, потому что, как показывала практика, чем более “особенный” дизайн хотел заказчик, тем меньше у него было понимания, чего же он хочет. Антону предлагалось играть в бесконечную игру “Угадай, чего я хочу, потому что сам я ни черта не знаю”.

К счастью, на исходе третьей недели рисования проектов и размахивания интерьерными журналами к Володе с юга Франции вернулась жена.

– Антон, это Анжела, моя жена, – сказал Володя, сидя в плетеном кресле среди руин, которые в будущем обещали стать верандой. – Анжела, это наш дизайнер.

Анжела, крупная девушка в модном атласном комбинезоне, с пышными формами и пышными волосами, с интересом посмотрела на Антона и произнесла с некоторым нажимом:

– Анжелика. Меня зовут Анжелика.

Антон сказал:

– Добрый день.

– В общем так, – продолжил Володя. – У меня проблемы на работе, и я уже заматался с этим домом. Вот она, – он, не глядя на жену, ткнул в нее пальцем, – все тебе расскажет. Нарисуй, как она хочет, и покажи мне.

Сказав это, он с кряхтением поднялся с кресла и покинул руины, шаркая и вздыхая.

Анжелика была из той самой породы женщин, которых так опасалась Елена Петровна. Детство и юность, проведенные в рабочих кварталах Магнитогорска, сделали ее очень целеустремленной. И до девятнадцати лет Анжелика, тогда еще просто Жанна, стремилась только к одной цели – выйти замуж за хоккеиста клуба “Металлург”. И как только крупнокалиберная блондинка, сама уверенно владевшая клюшкой и шайбой, достигла этой цели, ей на смену быстро пришла другая цель, куда более необычная для жительницы рабочих кварталов Магнитогорска. Дело в том, что Жанна нечаянно прочитала книгу. Это была “Анжелика” французских писателей Анн и Серж Галлон. Образ маркизы ангелов произвел на нее сильнейшее впечатление и навсегда стал путеводной звездой Жанны. Первым делом она обнаружила массу несоответствий между своим новым мужем Сергеем Антохиным, подающим надежды нападающим, и Жоффреем де Пейраком, французским графом. Да, у него тоже был шрам, правда, не на щеке, а на лбу, и не от шпаги, а от шайбы. На этом сходство неожиданно заканчивалось и начинались неприятные отличия. Он наотрез отказался называть ее Анжеликой. В отличие от Жоффрея Сергей не обладал ни манерами, ни чудесным голосом, ни душевной красотой, заявленными в книге. Но самое грустное заключалось в том, что он не был сказочно богат и не владел родовым замком. Зато пил, матерился и не опускал за собой сиденье унитаза, чего уж точно не позволили бы себе граф де Пейрак де Моран д’Ирристрию даже под страхом гильотины.

.....

Анжелика быстро смекнула, что надо двигаться в сторону Франции, на Запад, пережила развод, несколько трудных лет в Москве и нашла Володю, который хоть и не был графом, но зато годился ей в отцы и владел строительным бизнесом. Эти свойства делали его значительно более похожим на Жофрея. Анжелика решила, что он вполне подходит в качестве ступеньки на пути к превращению себя в маркизу, и благодаря своей целеустремленности стала для Володи хорошей женой. Воспользовалась же она, сама того не подозревая, методом, известным в математике как метод последовательных приближений.

На самом деле Елене Петровне было совершенно нечего бояться. Анжелика уже обзавелась московской пропиской, и ее целью был замок во Франции, а не двушка на Красой Пресне. В Антоне Анжелика сразу разглядела отличный инструмент для своих задач. Она тянулась ко всему прекрасному, к не очень понятной, но такой манящей “душевной красоте”, и живой настоящий дизайнер мог отшлифовать ту ее грань, которая отвечала за искусство и культуру. Расправив литые плечи, Анжелика подвинулась на краешек кресла, наклонилась к Антону и произнесла:

– Так вы художник?

– В некотором роде, – ответил Антон. Ему было приятно, что его называли художником.

– Вы будете моим наставником!

– Наставником? – удивился Антон.

– Я немного рисую, – объяснила Анжелика и несколько раз взмахнула пышными ресницами с такой силой, что Антону показалось, будто подул ветер. – Я хочу стать лучше, чтобы вырваться из этого ужасного мира!

Анжелика сделала жест в сторону громады загородного дома, показывая, из какого именно мира она собиралась вырваться.

– Я одинокая, но не сломленная женщина, – быстро добавила она, почувствовав замешательство будущего наставника. – А вы, я вижу, человек благородный и не откажетесь протянуть руку помощи.

– А ваш муж... – начал было Антон.

– Он меня не понимает.

– А как же интерьер?

– Ты такой смешной! – Анжелика шлепнула Антона по коленке, расхохоталась и покинула веранду, покачивая атласными бедрами.

Анжелика всегда прибегала к этому приему, если разговор заходил в тупик, то говорила: “Ты такой смешной!” и уходила, давая возможность собеседнику наблюдать дивный контраст между ее узкой талией и широкими бедрами. Собеседник оставался в недоумении, с ощущением смехотворности своей логики перед великим женским началом.

“Какая интересная женщина!” – подумал Антон. С этой невинной мысли началось разрушение размеренной жизни дизайнера интерьеров Антона Опушкина, повлекшее позже события государственного масштаба.

3

Не теряя времени, Анжелика наведлась в художественный магазин и приобрела там этюдник, масляные краски, картон и обойму кисточек. Одну из пустующих комнат она назвала мастерской и принялась энергично переносить краски на грунтованный картон.

С появлением хозяйки отделка дома пошла бойчее. Она показала Антону альбом "Версаль. История роскоши" и сказала: "Что-нибудь типа этого". И уже на следующий день по всем строительным рынкам Москвы и Подмоскovie поскакали гонцы скупать лепнину, канделябры и золотую краску. Работа закипела, Антон проводил в Володином доме по десять часов в день. Из-под пыльного целлофана и штукатурки начали проклевываться ростки чего-то версальского.

Закипели и отношения с Анжеликой. Она, надев передник поверх пеньюара, приводила дизайнера в мастерскую, показывала перепачканный красками картон и с интонацией больного на обследовании спрашивала: "Ну как?" Антон честно отвечал, что никак, что Анжелике надо начинать с азов рисунка. Любая его реплика, содержащая слова "цвет", "свет" или "перспектива", встречала бурную реакцию начинающей художницы. "Ты открыл мне новый мир!" – восклицала Анжелика.

